

Глава 1

Все началось с селфи. Мы не были знакомы с этим мужчиной, я даже не уверена, что правильно запомнила его имя. Такие типы вечно к нам привязываются, Лора говорит, это потому что я выгляжу дружелюбной. А я думаю, это из-за моей привычки выдумывать биографии людям, так что я начинаю их пристально рассматривать, а они решают, что это я приглашаю их поболтать.

Фронтальная камера направлена на нас, на экране хорошо видно его лицо: белые, слегка искривленные зубы и нос крючком. Лора наклоняется вперед, чтобы нажать на кнопку. Ее длинная, тонкая рука с индийскими браслетами и самодельной фенечкой попадает в кадр. В душе моя подруга хиппи.

Фотография сделана, и теперь мы замерли на экране его телефона. Интересно, сохранит ли он этот снимок.

— Никаких фильтров, — говорит он нам.

— Чего? — переспрашивает Лора.

У нее нет «Инстаграма». Как и желания чекиниться во всех подряд местах и делиться со всеми своей жизнью. Лоры вообще нет в социальных сетях, и я уверена, что ее жизнь от этого только лучше.

Мы собираемся отойти от барной стойки, но мужчина стоит прямо передо мной, покачиваясь с пятки на носок. Он одет во все черное, только кроссовки красные.

Я поворачиваюсь к Лоре. У нее снова короткая стрижка, и прическа получилась растрепанная, с челкой, падающей на глаза. Она выглядит как-то андрогинно и слегка по-дурацки. Я бы никогда не отважилась на такую стрижку — меня бы принимали за ребенка. Лора никогда не красится, да ей это и не нужно: у нее ровные белые зубы, щеки естественного персикового цвета и темные ресницы. Лора шуруется даже тогда, когда не улыбается. Ее мечта — стать художником; она создает сверхреалистичные картины, которые выглядят как фотографии. И еще она не хочет жить так, как все — просто одержима этой идеей. Иногда может выдать что-то вроде: «Какая взаимосвязь между тем, что ты носишь костюм и хорошо выполняешь работу?» или «Зачем тебе нужен дом в пригороде и ипотека как у всех?» Я бы никогда такого не сказала.

— Шикарные туфли, — говорит Лора, заглядывая под барную стойку.

Туфли новые. Шелковые ленты сливочного цвета завязываются вокруг щиколоток. Лора предпочитает балетки; ее ступни сухие и жесткие, потому что дома она всегда ходит босиком. Лора и Джонти живут на барже, швартуются, где хотят. Я иногда хочу так же, когда устаю от нашей маленькой квартирке на цокольном этаже, но Рубен говорит, что я бы быстро возненавидела эту баржу и что я фантазерка.

Благодарю подругу за комплимент. Я купила туфли через интернет позавчера, почти

в полночь, и забыла о них, пока не приехал курьер. Я испытала знакомое чувство удивления, а затем и узнавания, как только надорвала упаковку.

— Рубен их одобрил? — спрашивает Лора.

Рубен — единственный человек, которого она постоянно понимает неправильно. И принимает его стеснительность за что-то другое. Возможно, за неодобрение. Может быть, она и права — он вздернул бровь, пока я распаковывала туфли, но ничего не сказал.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Все, что его, то наше.

Но, надо признаться, я смутилось от его взгляда. Рубен работает гораздо больше меня. Кто угодно работает больше меня.

Худые руки Лоры обнажены, несмотря на декабрь. На ней простая, белоснежная футболка, которая ей слишком велика, и из такой ткани, чтоб не гладить. Я вообще ничего не глажу. Когда я берусь за уют, он разбрызгивает повсюду коричневую липкую жижу, так что мне пришлось сдаться. Про себя я называю это «типичная Джоанна»: в ситуациях, с которыми большинство людей справляются, я терплю неудачи.

— Кажется, у тебя появился поклонник, — говорит Лора.

Я оборачиваюсь, мужчина все еще стоит рядом со мной. Я чувствую его ногу рядом со своей, когда он топчется, пытаюсь привлечь внимание бармена.

— Еще два для леди? — спрашивает незнакомец.

Мы соглашаемся выпить за его счет, хотя, наверное, не стоило этого делать — но, чуть перебрав, мы становимся слишком веселыми. Бармен ставит напитки на черные салфетки, впи-

тывающие влагу от стаканов. Лора медленно идет вдоль барной стойки.

Я следую за ней, а мужчина за мной.

— Начнем с твоей работы или моей? — Подруга задала вопрос, наклонившись ко мне поближе, чтобы идущий за нами мужчина не услышал.

Так обычно начинаются наши долгие встречи. Мы как-то в шутку решили, что для них необходима повестка: работа, отношения и семья. Затем все остальное, что приходит на ум.

Я вздыхаю, но это не помогает снять напряжение, которое возникло, как только Лора упомянула работу.

— Во время перерыва на ланч я решила sudoku, и это было лучшее за весь вчерашний день.

Я начала работать в передвижной библиотеке, устроенной в автобусе, потому что очень сильно любила ее в детстве. Мне нравилось выбирать книги для чтения на неделю и искать брата, застрявшего в секции остросюжетных романов. Но после шести лет работы этого стало недостаточно.

— Да-а... — тянет Лора, закусив нижнюю губу и рассеянно оглядывая бар.

Мы обе ненавидели свою работу, но совершенно по-разному. Я понятия не имела, чем бы хотела заниматься, а Лора знала абсолютно точно, но делать это не могла.

— Тебе нужно, чтоб было какое-то важное дело, а мне нужно не иметь этого дела, — говорит она.

— Ага. Так оно и есть, — никто другой не мог бы сказать мне такого, разве что Рубен, — я однозадачная.

— Джоанна, ты слишком умная, чтобы быть счастливой.

— Ну, ты же знаешь, я по жизни вторая из детей Мерфи.

Мой брат Уилф окончил Кембридж, а теперь владеет агентством недвижимости в Лондоне. О чем мне регулярно напоминают.

— Ты очень умная, — говорит подруга. — Будь ты хоть Олива, хоть Мерфи.

Олива — фамилия Рубена.

Я смотрю в свой стакан, помешивая напиток черной соломинкой, кончик которой уже пожеван. Рубен говорит, что мне нужно успокоиться и перестать себя мучить — ни у кого нет настоящего «Дела».

Неожиданно Лора фыркает, глядя куда-то над моей головой, как будто увидела паука на стене.

Я оборачиваюсь, и наш «почти знакомый» наклоняется ко мне, приобнимает за плечи. Я чувствую его каждой клеточкой тела. Рука незнакомца ложится мне между лопаток, я вздрагиваю и пытаюсь ее сбросить, но он лишь похлопывает меня по спине. Ощущение тяжелое и неприятное. Мое тело бессознательно протестует, его рука на моем плече теплая и потная. Он пахнет ягодами, сладким алкогольным напитком, который обычно пьют наутро после бурной ночи, и мятной жвачкой.

— Я не представился, — говорит мужчина, прерывая мои мысли. — Я Сэдик. — Темные глаза оценивают нас, пока он протягивает руку сначала мне, потом Лоре.

Лора его игнорирует, но яжимаю руку, не желая обидеть. Мужчина передает мне визитку, рука у него мягкая и гладкая. На карточке имя: Сэдик Аль-Хак. Я не знаю, что с ней делать, поэтому засовываю в кошелек, едва взглянув.

— Спасибо, у меня нет визитки, — отвечаю я.

— Спасибо за селфи, но на этом все, — резко одергивает его Лора. — Мы пришли пообщаться вдвоем, друг с другом.

Ее слова не отпугивают мужчину.

— Детка, не будь такой холодной, — говорит Сэддик.

Я не удерживаюсь от косоного взгляда на него и никак не могу понять, что у него за акцент.

— Мы не холодные. Мы хотим общаться между собой, а не с тобой, — отвечает моя подруга.

Это типична Лора. Во время учебы в университете многие ее недооценивали: она говорила тихо, казалась хрупкой, растрепанной и обычно сидела, обхватив себя руками, поэтому все думали, что у нее кроткий нрав. Но это было совсем не так.

Лора молча берет свой стакан и идет через танцпол, проскальзывая между непредсказуемо дергающимися телами. Единственным свободным местом оказывается пространство рядом с колонкой, подпрыгивающей в такт танцевальному хиту, который мог бы мне понравиться лет пять назад. Музыка гудит в ушах, басы отдаются в груди. Напротив нас стоит парочка: стройная чернокожая женщина в черном топе и брюках — она опирается на стену позади себя, — а мужчина что-то тихо говорит ей на ухо. Я представляю, на что могут быть похожи их вечера. Готова поспорить, что они слушают инди-музыку по радио и готовят ужин из того, что оказалось под рукой. Или, может быть, рисуют вместе каждое воскресенье — это их ритуал выходного дня. Запачан-

ной оказывается вся их одежда и даже стены, но им наплевать.

Женщина перехватывает мой взгляд, и в миллионный раз я радуюсь тому, что никто не может узнать, что у меня на уме. Смутившись, она поправляет волосы. Я отвожу глаза, но успеваю заметить, что на ее блестящих и идеально ровных ногтях лак сливового цвета. Значит, она одна из этих, «Приличных Людей», как я их называю про себя. У таких людей хорошо сидящая одежда, аккуратные волосы и сияющая кожа. Ты можешь разложить весь их внешний вид на составные части, но штука в том, что они просто выглядят... ухоженно. Я не понимаю, что же они знают такого особенного, что неизвестно мне.

— Ты чего? — спрашивает Лора, проследив за моим взглядом.

— Посмотри на них. — Парочка снова начала обниматься.

— Вот что значить быть молодыми и влюбленными.

Я смотрю на подругу с любопытством и понимаю, что давно не видела их с Джонти целующимися. Их отношения выглядят больше приятельскими: скорее дружба, а не роман. Наверняка Лора думает то же самое про меня и Рубена, который ей кажется вечно занятым и отстраненным. И это так, но только до тех пор, пока за нами не закроется дверь.

— Он странный, — Лора указывает стаканом в сторону бара, — Сэдик.

— Я знаю.

— Напористый.

— К счастью, он оставил нас в покое.

Лора поднимает брови, но молчит.

— Джонти себя странно ведет, — произносит она через минуту.

Я удивленно смотрю на нее:

— Правда?

— Он сказал, что ему не нравится мой последний проект, хотя раньше его это не интересовало.

— Да?

Лора убирает челку назад и выдыхает, надув щеки.

Милый Джонти. Его уволили из-за вечных опозданий; бывало, он забывал про запланированные на выходные поездки и потом с удивлением спешил в аэропорт. Шикарный, вежливый и немного безнадежный — больше всего он хотел спокойной жизни с джин-тоником в руке. Честно признаться, все, кого я встречала, хотели того же. Я мечтаю об этом с подросткового возраста.

— Что с ним происходит? — спрашиваю я, хмурясь.

Недавно Джонти устроился на временную работу — покрывать блестками флакончики для духов к Рождеству. Сказал, что это очень успокаивает.

— Понятия не имею. У тебя есть идеи?

Ко мне часто обращаются за советом по поводу чужих поступков. Но, конечно, не спрашивают ни о чем действительно серьезном — никого не интересует мое мнение о медицине, или юриспруденции, или тайм-менеджменте, или о войне в Сирии. Только о людях и о том, что они делают.

— Что он сам говорит?

— Ничего. Только все больше рассуждает о будущем, — пожимает плечами Лора, и я понимаю, что она не хочет это обсуждать. — Как твоя магистратура?

— Какая магистратура? — рассеянно переспрашиваю я.

— Та, которая по теории культур.

— Все еще в подвешенном состоянии, — отвечаю неопределенно.

Я вечно подаю документы в магистратуру и на гранты, пишу статьи для газет и думаю, что, возможно, хотела бы стать владельцем кофейни. «Может быть, я буду выращивать какао-бобы в Южной Америке?» — мое обычное сообщение в «Ватсап» Лоре. Она отвечает что-то вроде: «Это тебе быстро надоест». — «Тогда пшеницу в Англии?» И хотя мои размышления о карьере бесконечны и, должно быть, утомительны, она воспринимает всерьез каждую мою блажь.

— Надеюсь, все сложится удачно. — Лора улыбается. Кажется, она хочет добавить еще что-то, но затем смотрит прямо позади меня, так и не начав предложение. Вместо этого говорит: — Так, уходим.

Я оборачиваюсь и вижу Сэдика, раздраженно пожимаю плечами и отхожу на несколько шагов, но он идет за мной, вытянув руку.

— Оставь нас в покое, — обращается к нему Лора.

— Не надо разговаривать со мной в таком тоне, — отвечает Сэдик.

Мое сердце колотится, песня закончилась, повисла тишина перед следующей, и во время этой паузы я слышу пульсирующую в ушах кровь.

Внезапно все это перестает быть забавным. Я испугалась до дрожи, и в голове сами собой начали появляться образы: женщины, которых преследуют на улицах, заманивают на заднее сиденье автомобиля и запихивают расчлененными в багажник.

Я отодвигаюсь от него еще дальше к стене, в сторону от Лоры. Я думаю о той парочке, за которой наблюдала, о том, какие они счастливые и как же мне хочется, чтобы Рубен был здесь. Он бы ничего не сказал, но этого бы и не понадобилось. Люди в его присутствии начинают вести себя хорошо, будто они успокоившиеся разбалованные дети.

Сэдик следует за мной, преграждая дорогу. Я вижу, что стоящая позади него Лора так сильно хмурится, что ее глаз почти не видно. Мужчина оказывается прямо передо мной. Я пытаюсь обойти его, но он притягивает меня к себе и прижимается сзади, схватив за бедра, как если бы мы занимались сексом.

Я цепенею на несколько секунд. Наверное, от шока. В эти секунды я чувствую не только его руки, дыхание на своей шее, но и его эрекцию. Что-то твердое упирается мне в бедро. Я не сдерживаюсь и представляю, как выглядит его член. Эти мысли появляются в голове, как ненавистное всплывающее окно в браузере, и я вздрагиваю. Я не чувствовала член другого мужчины уже больше семи лет. До этого момента. Что бы на это сказал Рубен? Он называл бы его конченным идиотом. Эта мысль успокаивает меня.

Медленно отодвигаюсь от него, странно улыбаясь, потому что не представляю, что еще можно сделать. Ощущение от того, что кто-то дотронулся до меня против воли, похоже на прыжок с пирса в море. И я все еще чувствую его тепло и твердость. Зубы стучат. Я ничего не говорю, стоило бы, но нет — просто хочу уйти.

Лора забирает у меня выпивку и пытается

ном итоге ставит их на колонку, сгребает мое пальто, берет меня за руку, и мы разворачиваемся к выходу.

Сэдик бросается вперед, как кот, и пытается схватить меня, но успеваает зацепить только мою руку. Я пытаюсь выдернуть ее, но мужчина сильнее. Можно закричать, но что именно? То, что мужчина схватил женщину за руку в баре, не воспринимается как преступление, хотя может быть таковым. Наоборот, со стороны кажется, что мы вместе и держимся за руки. Никто не знает, что это против моей воли и что происходит у меня в голове. На мгновение мне кажется, что на запястье наручник.

Он сжимает пальцы сильнее. Затем расслабляет и сжимает снова. Это выглядит как сексуальная угроза. А потом он отпускает меня совсем.

На улице я глубоко вдыхаю и выдыхаю зимний воздух, который вылетает изо рта, как меловая пыль. Я все еще ощущаю его рядом. Мне кажется, что мои бедра мокрые, и я опускаю руку, чтобы проверить — хорошо, что это не так.

Лора передает мне пальто.

— Боже. Я уже давно не сбегала из бара из-за психа. Нам что, снова по двадцать?

Она говорит о случившемся, как о пустяке, и я очень благодарна за это. Я все еще чувствую, как упирался в меня его член. Это домогательство? Думаю, да. Но может быть, я сама виновата. Я вздрагиваю и кутаюсь в пальто от дождя.

— Ты в порядке? — спрашивает Лора.

Я киваю, не поднимая головы, и смотрю на свои кремовые туфли с завязками. Не хочу это обсуждать. Я проигнорировала все зна-